

Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в.

Китайская цивилизация – одна из самых древних (если не самая древняя), которая смогла сохранить свои сущностные характеристики (в первую очередь, письменность и верования) вплоть до наших дней. Китай широко известен своими изобретениями и общим культурным влиянием на многие страны Восточной Азии – Вьетнам, Корею, Японию и др., а китайский шелк находят даже в Эбердингене – на юге Германии, и датируется он VI в. до н.э. [18, р. 44]. Некоторые теоретики, считающие, что мир с древнейших времен представляет собой единую мир-систему, предлагают считать Поднебесную вплоть до XVI в. центром этой системы [17]. Таким образом, не приходится сомневаться в развитости и величии Китайской цивилизации, но возникает вопрос – что именно делало Китай столь значительным и влиятельным в своем регионе? Ответ очевиден – его нововведения как экономического, так и военно-политического толка. Но, как будет показано ниже, Поднебесная являлась на протяжении большей части истории не генератором новаций, а блестящим и творческим их потребителем. Насколько Китай был открыт к иным культурным традициям и их открытиям? С чем были связаны такие заимствования, есть ли корреляции с политико-экономической историей и можно ли сформулировать некоторые закономерности? Попробуем ответить на эти вопросы, используя в качестве методологического базиса достижения макросоциологии – науки, выявляющей закономерности динамики исторического процесса как на уровне мира в целом, так и на уровне отдельных стран [13].

Термин "диффузия инноваций" в данной статье определяется как перенятие различных изобретений (не обязательно материально-технических) одной культуры другой.

Выбор верхней рамки исследования (XVIII в.) обусловлен тем, что Китай с этого времени становится все более втянут в орбиту международных отношений и даже краткий очерк того, как повлияли страны Запада на развитие Китая, требует отдельного исследования ввиду значительного масштаба произошедших изменений.

Начнем с рассмотрения ключевого, военно-политического аспекта, обуславливающего сам факт существования Китая не как культурного образования, а как государственного. Насколько способность к отражению внешних угроз была следствием успешного заимствования чужих достижений в отношении к формам ведения войны и типам вооружения, а так же – как это коррелировало с типом политической организации? Начнем разбор в обратном порядке, а именно – с причин возникновения иных форм политической организации и чем это сопровождалось.

В первую очередь Китай известен своим циклическим развитием, но при детальном рассмотрении оказывается, что если и можно выделить циклы, то только начиная с конца I тыс. н.э. Циклы, которые можно выделить однозначно и на протяжении практически всей китайской истории, – это демографические циклы [8; 12]. Древнейшее достоверно известное государственное образование на территории Китая – это Шан (с XVII в. до н.э. по XI в. до н.э.) – достаточно рыхлое объединение, созданное, скорее всего, колесничими-завоевателями. Затем наступает период Западного Чжоу (XI в. до н.э. – 770 г. до н.э.), а после – период нестабильности и раздробленности – т.наз. Восточное Чжоу. Строй Чжоу многие исследователи определяют

как феодальный [5, с. 268; 22, р. 22–23, но есть и критики – 9, напр., гл. 3]. Второй период Восточного Чжоу – период "Сражающихся царств", длившийся 259 лет, сменяется предельной централизацией в правление Цинь (221–202 гг. до н.э.). Династию Цинь свергает новообразованная династия Хань, управление которой на первых порах было номинальным – 7 вассальных царств на территории Хань могли себе позволить даже чеканку собственной монеты, не говоря уже о самостоятельных армиях [12, с. 259]. После падения Хань наступает период "троецарствия" (220–280 гг.), затем достаточно непродолжительно власть захватывает царство Цзинь (265–316 гг.). Вплоть до VI в. на территории Китая царит нестабильность – местные династии сражаются с пришлыми, объединения кратковременны. И лишь после династии Тан (618–907) и полувековой раздробленности вырисовывается циклическая динамика – Сун, Юань, Мин, Цин.

Несмотря на такое разнообразие, при рассмотрении истории Китая бросается в глаза постоянное колебательное движение от предельной централизации и попыток ликвидации частной собственности до ослабления контроля (и ослабления государства) и "культивирования" частной собственности. Государство, в периоды своих взлетов, стремилось подчинить всю собственность, а в периоды ослабления оно, будучи не в силах бороться с частными владениями, вынуждено было смиряться с их существованием. Такая динамика описана "вызовами" внешнего мира (социальной среды).

В политической антропологии, начиная с 40-х гг. XX в., стало ясно, что кочевничество азиатских степей связано неразрывно с оседлыми государствами (см. напр. [15]), а в нашем случае – с Китаем [1]. Кочевые племена остро нуждались в продукции земледельцев, они не могли существовать вне оседлого населения. И если в Китае образовывалась сильная государственность – кочевники вынуждены были реагировать соответствующе. Ведь для принуждения Китая к неэквивалентному обмену необходимы достаточные военные ресурсы, а когда Китай вступал в период построения централизованной системы – его армия становилась сильнее, что и стимулировало кочевников образовывать собственные крупные конфедерации. Несмотря на то, что нет жесткой корреляции между образованием кочевых конфедераций и сильными государственными образованиями Китая, но обусловленность все же есть – Хуннское объединение шло синхронно образованию империй Цинь и Хань, династиям Суй и Тан соответствовали Тюркские и Уйгурский каганаты, пришлые кочевые династии – Тоба и Цин сражались с объединениями Жужаней и Джунгаров, соответственно. Не всегда есть такая закономерность, но все же она наблюдается [1, с. 439].

П.В. Турчин пошел дальше [24] и предположил, что здесь может действовать и петля обратной связи – крупные централизованные образования возникают как ответ на угрозу со стороны степей. Для аргументации П.В. Турчин приводит таблицу регионов, откуда происходило объединение Китая [24, р. 193], и оказывается, что все династии, кроме Минской, происходили с севера – где была постоянная угроза войны. Находясь на границе "цивилизованного мира", с постоянной угрозой вторжений, уровень сплоченности на таких территориях будет выше, что играет немаловажную роль в войнах (см. также очень интересные рассуждения о роли полупериферии в становлении централизованных объединений в вышеизложенном ракурсе [16, ch. 5]).

Если мы обратимся к конкретной истории, то обнаружим, что очень часто одним из первых дел, при централизации, становилась борьба с кочевниками. Так, например, становление империи Цинь при Ши-хуанди сопровождалось постройкой Великой китайской стены, а наступившая централизация при императоре У-ди в период династии Хань включала в себя и создание нового рода войск – конных лучников, сумевших оттеснить кочевников; первый император империи Суй, образованной после свержения прошлой династии, так же провел реформы в армии, создав отряды кавалеристов на манер тюркских племен.

Конные лучники, кавалеристы табгачи – это результат заимствований из степей. Таким образом, военные инновации часто оказываются связаны с защитой от кочевников, которая, также стимулирует и создание империй – достаточно широко распространенная корреляция в мировой истории [24]. В

исторической макросоциологии уже достаточно давно известно, что для создания боеспособной армии нужна крепкая налоговая база, что и стимулирует создание сильного государства (см., напр., [10; 14] и др.).

Но только ли внешние причины стимулировали социально-политическое развитие Китая? Вторым и уже внутренним "вызовом" становится демографическое давление и, соответственно, адекватные ему новые формы организации экономики и политики.

М. Вахиа (Vahia M.) и Н. Ядав (Yadav N.) предлагают достаточно интересную модель развития общества [25, p. 100], которая является углубленным развитием модели Ч. Снукса [21] о выше упомянутой корреляции исторической динамики с демографией. Модель построена на выявлении связи организации и средств производства с политической системой: охота/собирачество как начало социально-политической эволюции, затем, после появления земледелия – полуседлый образ жизни, после появления металлов (олова и бронзы) – возникновение деревень, после появления ирригации, крупных поселений и дальней торговли – появление городов, затем появление железа. На этом авторы заканчивают, но можно попробовать продолжить, что появление железа приводит к образованию империй (см., напр., [7, с. 50]). Железо, которое проще было достать и которое могли обрабатывать простые крестьяне, стимулировало появление крупных армий, где главную роль будет играть имперская администрация, а не как прежде – колесничная аристократия [10, с. 34]. По мнению некоторых авторов [4], именно в появлении крупных империй и стоит искать причины так называемого "Осеевого Времени" – периода появления прозелитических религий, некоторые из которых впоследствии вошли в число мировых. Ведь когда появилась возможность создания массовых армий и, соответственно, крупных территориальных захватов, для поддержания порядка требовались новые формы религии, которые были бы не локальными и актуальными для одной народности, а именно универсальными.

П.В. Турчин обращает внимание, что главнейшие достижения китайской политической эволюции в древности совпадают с инновационной активностью, а именно, появление животноводства (овец и коз), пришедшего явно с запада, совпадает с культурой Луньшань (предгосударственность); знакомство с лошадей, бронзой и колесницами – в период Шань (ранняя государственность), а оседлывание лошадей и появление конных лучников – это "Циньско-Ханьское объединение" (развитая государственность) [24, p. 198], что согласуется с вышеизложенной концепцией об увеличении политической сложности в связи с технологическими инновациями, вызванными демографическим давлением.

Самым впечатляющим примером, на наш взгляд, пусть и не универсальным, а локальным, но соответствующим общей тенденции, стали административные реформы и определенные инновации в середине XI в., вызванные демографическим давлением. В первую очередь можно отметить реформы в правление Шеньцзуна (1068–1085 гг.), которые были направлены на восстановление и развитие сельского хозяйства. Были обложены налогом земли, принадлежавшие чиновничьему аппарату, проводилась масштабная мобилизация населения для постройки ирригационных сооружений. Но, с точки зрения многих ученых, важнейшим следствием демографического давления стало заимствование скороспелых сортов риса из Южного Вьетнама (Тьямпы) [3, с. 192; 8, с. 188; 12, с. 355], в результате чего была значительно увеличена несущая способность земли. До этого времени несущая способность земли не позволяла превзойти численность населения сверх 60 млн. человек, однако после этих реформ и нововведений население превысило прежний допустимый порог, но рост был прерван искусственно – вторжениями Чжурчженей и Монголов [8; 12].

Среди неспециалистов бытует представление, что Китай являет собой некое определенное культурно-национальное целое, некую гомогенность. Но Китай никогда не был гомогенным. Так, по современным данным, Поднебесная демонстрирует этническое разнообразие – на севере Китая население похоже больше на тибетцев и непальцев, на юге – вьетнамцев и филиппинцев [6, с. 413], что уже говорит о том, что трудно выделить диффузионные волны, так как возникает вопрос – что считать Китаем? Так, например, чу-

гунное литье и рис пришли с южных регионов [там же, с. 425] – это Китай или нет? Более того, известно, что на современной территории Китая находились поселения индоевропейцев – тохаров. Хотя и ведутся споры об их этнической принадлежности, но генетически установлено – что они пришли с запада и отголоски смешения слышны и до сих пор [23, с. 99].

Именно такое разнообразие культур в рамках одной "региональной метакультуры" не позволяло Китаю быть закрытым к иноземным влияниям во всех аспектах. Бронзовое литье, гончарный круг, пшеница прибыли с Ближнего Востока, что подтверждается как генетикой [6, с. 421], так и лингвистическим анализом [12, с. 148]. Стоит подчеркнуть, что не всегда такая диффузия была постепенной и происходила снизу – так, например, обработка бронзы была привнесена создателями государственности Шан.

Когда, в результате завоевания, было основано древнейшее археологически подтвержденное государственное образование Шан, аристократия которого представляла собой колесничих воинов, то одно из главных составляющих вооружения – лошади – не выращивались на территории подконтрольной пришедшей династии, а получались с приграничных степных территорий от кочевников [12, с. 148]. Факт остается фактом – Китай с древнейших времен не был автономен, и его система не представляла собой автаркию.

Более того – китайская цивилизация была открыта и культурному влиянию извне. На ранних этапах становления государственности (Шан и Чжоу) на территории Китая находились иранские маги – что подтверждается как лингвистическим анализом, так и письменными источниками [18, р. 39]. Маги, строившие свою систему на культе предков, занимались гаданием, толкованием снов, примет и многим другим. Ритуализация таких религиозных верований сыграла в дальнейшем важную роль в становлении имперской системы [2].

К рубежу эр устанавливаются регулярные связи между Китаем и Европой по Великому шелковому пути, результатом чего, по мнению некоторых ученых, стало распространение чумы из Китая, что в итоге привело к ослаблению Римской и Ханьской империй [19, ch. 3].

Различные экзотические предметы, например, панцири черепах или рога носорогов ввиду их относительной редкости могли становиться символами статусности и власти в Китае [3, с. 176]. Китайцы так же ввозили с северо-западных территорий нефрит.

Интересно отметить, что некоторые историки считают, что такие выдающиеся достижения Китая, как книгопечатание и порох, возможно, не являются чисто китайскими, а являются развитием на китайском фундаменте буддийской учености [20, р. 10–11]. Первым обнаружил почвы, содержащие селитру, индийский монах в 644 г. А самое первое свидетельство существования огнестрельного оружия найдено в Сычуане (1127 г.) – недалеко от Тибета. Возможно, также, что и книгопечатание было изобретено в буддийских монастырях (700–750 гг.). Авторы такой позиции не утверждают, что эти изобретения автоматически теряют статус китайских. Главная мысль здесь – Китай был открыт культурным влияниям извне и своей терпимостью к иным культурным традициям мог стимулировать изобретательность и успешно адаптировать ее результаты.

Буддизм сыграл большую роль в китайской истории не только в этом – так как распространение буддизма в Китае требовало обеспечения ритуального церемониала, то это увеличило роль торговли буддийскими принадлежностями с Индией [3, с. 177]. Но развитие чайных церемоний в Китае позволило ему выбиться в торговле как одному из самых главных поставщиков товаров для реализации чайных церемоний (в т.ч. и фарфора). Хлопок, сахарный тростник и куры пришли в Китай из Индии [11, с. 479].

Свидетельством размаха китайской международной торговли может служить большое количество черепков фарфора, найденных на восточном побережье Африки [10, с. 67].

Последнее, что мы бы хотели рассмотреть, – это распространение религиозных верований в Китае в их связи с политической историей. Восприимчивость китайского населения к новым религиозным (и, соответственно, этическим) учениям, на наш взгляд, была обусловлена фактором политической нестабильности. Так, например, конфуцианство появилось в период феодаль-

ной раздробленности Чжоу – когда практически не было власти; буддизм распространялся и стал популярным в период III–V вв., когда доминировали иноземные династии в политической истории, когда вообще невозможно было говорить о едином государстве. Манихейство – христианская ересь, стало популярным в период малоземелья при династии Сун и даже привело к огромному восстанию в 1120 г., в результате которого погибло около трех миллионов человек [12, с. 357]. Если продолжить дальше, то, например, популярность марксизма так же была обусловлена политической слабостью китайской государственности.

Таким образом, можно уверенно сказать, что Китай не был на протяжении практически всей истории закрыт для иностранного влияния, но особенно восприимчив Китай становился, либо, когда боролся с кочевниками, либо, когда наступала политическая нестабильность и потеря всяких жизненных ориентиров среди населения, вызванных, в первую очередь, демографическим давлением. Война не только вызывала необходимость заимствований, но и стимулировала создание сильных государств. Но только лишь успешное отражение захватчиков не гарантировало стабильности, внутренним определяющим фактором стала численность населения. Популяционное давление зачастую определяло внутренние "вызовы", которые также стимулировали нововведения. Описанные в статье закономерности заимствований показывают, что Китай не является особенным случаем в мировой истории, а подчиняется общей логике и закономерностям, выявленным в мировой истории в рамках макросоциологии.

Литература

1. Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006. С. 415–441.
2. Баум Р. 2006. Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Гринина Л.Е., Бондаренко Д.М., Крадина Н.Н., Коротаева А.В. Волгоград: Учитель, 2006. С. 244–266.
3. Бентли Дж. Образы Всемирной истории в научных исследованиях XX века // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. 2000.
4. Берзин Э. О. Вслед за железной революцией // Историческая психология и социология истории № 2. 2009. С. 184–194.
5. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.). М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН. 2000.
6. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / пер с англ. М.: АСТ; CORPUS. 2010.
7. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига. 2007.
8. Коротаев А.В., Малков В.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига. 2005.
9. Крил Г.Х. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. Спб.: "Евразия", 2001.
10. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Издательский дом "Территория будущего". 2008.
11. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Изд. 2-е, стер. К.: Ника-центр. 2013.
12. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом "Территория будущего". 2008.
13. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.
14. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. М.: Территория будущего. 2009.
15. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006. С. 468–489.
16. Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press. 1997.
17. Frank A.G., Gills B.K. The world system. Five hundred years or five thousand? L., 1993.

18. Mair V. H. "Old Sinitic *myag, Old Persian maguš, and English 'Magician' // *Early China*. 1990 № 15. P. 27–47.
19. McNeil W. *Plagues and Peoples*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday. 1976.
20. Shaffer L. "Southernization" // *Journal of World History* № 5, Spring, 1994, P. 1–21.
21. Snooks G.D. *Uncovering the Laws of Global History // Social Evolution & History*. Vol.1, 2002. № 1. P. 25–53.
22. *The Cambridge History of China, Vol.1*. Cambridge University Press, 2008
23. Thornton C.P., Schurr T.G. Genes, language, and culture: An example from the Tarim Basin // *Oxford journal of archeology*, 2004, № 1. P. 83–106.
24. Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // *Journal of Global History* 2009. № 4. P. 191–207.
25. Vahia M., Yadav N. *Reconstructing the History of Harappan Civilization // Social Evolution & History*. Vol.10, 2011. № 2. P. 87–120.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Barfield T. *Mir kochevnikov-skotovodov // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*. 2006. S. 415–441.
2. Baum R. 2006. *Ritual i ratsional'nost': korni byurokraticheskogo gosudarstva v Drevnem Kitae // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sbornik statej / pod red. Grinina L.E., Bondarenko D.M., Kradina N.N., Korotaeva A.V. Volgograd: Uchitel', 2006. S. 244–266.*
3. Bentli Dzh. *Obrazy Vsemirnoj istorii v nauchnykh issledovaniyakh XX veka // Vremya mira. Al'manakh. Vyp.1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke*. 2000.
4. Berzin E.H. O. *Vsled za zheleznoj revolyutsiej // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* № 2. 2009. S. 184–194.
5. Vasil'ev L.S. *Drevnij Kitaj. Tom 2. Period CHun'tsyu (VIII-V vv. do n.eh.)*. M.: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 2000.
6. Dajmond Dzh. *Ruzh'ya, mikroby i stal': Sud'by chelovecheskikh obshhestv / per s angl. M.: ACT; CORPUS*. 2010.
7. D'yakonov I.M. *Puti istorii: Ot drevnejshego cheloveka do nashikh dnei*. Izd.2-e, ispr. M.: KomKniga. 2007.
8. Korotaev A.V., Malkov V.S., KHalturina D.A. *Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh makroprotsessov. Demografiya, ehkonomika, vojny*. M.: KomKniga. 2005.
9. Kril G.KH. *Stanovlenie gosudarstvennoj vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya CHzhou*. Spb.: "Evraziya", 2001.
10. Mak-Nil U. *V pogone za moshh'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshhestvo v XI–XX vekakh*. M.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushhego". 2008.
11. Mak-Nil U. *Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshhestva*. Izd. 2-e, ster. K.: Nika-tsentr. 2013.
12. Nefedov S.A. *Faktornyj analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka*. M.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushhego". 2008.
13. Rozov N.S. *Istoricheskaya makrosotsiologiya: stanovlenie, osnovnye napravleniya issledovaniy i tipy modelej//Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2009. № 2. S. 151–161.
14. Tilli CH. *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990–1992 gg*. M.: Territoriya budushhego. 2009.
15. KHazanov A.M. *Kochevniki evrazijskikh stepei v istoricheskoi retrospektive// Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*. 2006. S. 468–489.
16. Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press. 1997.
17. Frank A.G., Gills B.K. *The world system. Five hundred years or five thousand?* L., 1993.
18. Mair V. H. "Old Sinitic *myag, Old Persian maguš, and English 'Magician' // *Early China*. 1990 № 15. P. 27–47.
19. McNeil W. *Plagues and Peoples*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday. 1976.
20. Shaffer L. "Southernization" // *Journal of World History* № 5, Spring, 1994, P. 1–21.
21. Snooks G.D. *Uncovering the Laws of Global History // Social Evolution & History*. Vol.1, 2002. № 1. P. 25–53.
22. *The Cambridge History of China, Vol.1*. Cambridge University Press, 2008
23. Thornton C.P., Schurr T.G. Genes, language, and culture: An example from the Tarim Basin // *Oxford journal of archeology*, 2004, № 1. P. 83–106.
24. Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // *Journal of Global History* 2009. № 4. P. 191–207.

25. Vahia M., Yadav N. Reconstructing the History of Harappan Civilization // Social Evolution & History. Vol.10, 2011. № 2. P. 87–120.

Шевский Д.С. Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в.

В статье, используя достижения макросоциологии, анализируются закономерности заимствований изобретений в Китае. Анализ произведен по трем направлениям: военно-технологические инновации, изменения в сельском хозяйстве и распространение новых религиозных верований. Показано, что военно-технологические изменения были вызваны необходимостью отпора внешних захватчиков, что, в свою очередь, приводило к созданию централизованных империй. В целях снижения демографического давления происходили изменения в сельском хозяйстве, повышавшие несущую способность земли. Распространение новых религиозных верований как собственных, так и заимствованных происходило в результате политической и социальной нестабильности в Китае.

Ключевые слова: *макросоциология, диффузия инноваций, военно-технологический детерминизм, структурно-демографическая теория, законы истории, Китай*

Shevskij D.S. The regularities of diffusion of innovation in China: from ancient times to the eighteenth century.

The article aims to consider the ways borrowed diffused throughout China, and the factors that influenced the diffusion. A macrosociological approach has been adopted to achieve this goal. Three benchmarks of comparison have been chosen, those of changes in military technologies, changes in agriculture, and the spread of new religious beliefs. It has been shown that changes in military technologies were caused by wars with foreign invaders, which advanced the introduction of China's centralized political system. In order to diminish demographic pressure changes in agricultural practices, aimed to improve soil fertility, were introduced. The striking capacity of the country to adopt foreign practices easily was due to the ethnic diversity that had made people more adaptable and ready to accept other cultural traditions.

Key words: *macrosociology, diffusion of innovations, military-technological determinism, structural-demographic theory, the laws of history, China*

Для цитирования: Шевский Д.С. Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 53–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/53-59

For citation: Shevskij D.S. The regularities of diffusion of innovation in China: from ancient times to the eighteenth century // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 53–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/53-59

